

Информация об авторе

Мусаев Вадим Ибрагимович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории (дом Н. П. Лихачева) Российской Академии наук.

E-mail: vmusaev62@mail.ru

**ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О «РУССКОЙ УГРОЗЕ» В СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЕ:
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ**

Резюме

Миф о русской угрозе в Северной Европе, появившийся во второй четверти XIX в., оказался чрезвычайно устойчивым. Своим появлением он в значительной степени был обязан британским политикам, которые таким образом стремились предотвратить распространение влияния своего основного геополитического соперника в этом регионе. Слухи об опасности, якобы угрожавшей с Востока, поддерживались в Скандинавии и в дальнейшем и использовались в политических целях, в зависимости от стремления добиться достижения тех или иных задач: вовлечь Швецию в антироссийскую коалицию во время Крымской войны, предотвратить выход Норвегии в начале XX в. из унии со Швецией или склонить Швецию к военному союзу с Германией накануне первой мировой войны. В настоящее время фактор «русской опасности» используется сторонниками вступления Финляндии и Швеции в военно-политический блок НАТО.

Ключевые слова: геополитика, «русская угроза», политический имидж, политическая пропаганда.

V. Musaev

About the author

Musaev Vadim Ibrahimovich – Doctor Doctor Habil. In History, Leading Researcher of the St. Petersburg Institute of History (the house of N. P. Likhachev) of the Russian Academy of Sciences.

E-mail: vmusaev62@mail.ru

IMAGE OF THE “RUSSIAN THREAT” IN NORTHERN EUROPE: HISTORY AND THE PRESENT DAY

Abstract

Myth of the Russian threat in Northern Europe, which had appeared in the second quarter of the 19th century, proved very steady. Its appearance was due largely to the British politicians, who in this way tried to stem spreading of influence of its main geopolitical rival over that region. Rumors of alleged danger from the East were kept up in Scandinavia henceforth and were used each time for reaching certain political objectives, e. g. to draw Sweden into the anti-Russian coalition during the Crimean war, to prevent Norway from breaking up Swedish-Norwegian union in the early 20th century or to win Sweden over the military alliance with Germany on the eve of the World War I. At present the factor of “Russian menace” is used by partisans of Finland and Sweden joining the NATO military alliance.

Keywords: geopolitics, “Russian threat”, political image, political propaganda.

Миф о русской угрозе в Северной Европе, появившийся во второй четверти XIX в., оказался чрезвычайно устойчивым. Своим появлением он в значительной степени был обязан британским политикам, которые таким образом стремились предотвратить распространение влияния своего основного геополитического соперника в этом регионе. В 1830-х гг., начали циркулировать бесосновательные, но упорные слухи о русских притязаниях на Северную Норвегию. Поводом для них послужили переговоры между представителями России и Шведско-Норвежского королевства о доступе финских лопарей к берегу Ледовитого океана для ловли рыбы на территории норвежской провинции Финнмарк. Переговоры не имели никаких последствий, однако сам факт этих переговоров породил слухи о территориальных претензиях России. Распространению этих слухов в немалой степени способствовала британская дипломатия, которая приписывала русским намерение захватить незамерзающие бухты Варангер-фьорда якобы для создания там военно-морской базы. Начало слухам положил доклад британского вице-консула в норвежском городе Хаммерфест Д. Р. Кроу, который был отправлен английскому посланнику в Стокгольме и вызвал там волну страхов перед русской угрозой. Кроу продолжал посылать подобные донесения и после того, как в 1844 г. был назначен английским генеральным

консулом в Христиании (Осло)¹. Схожие мысли развивал шотландец С. Лейнг, который в 1836 г. направил в Лондон свой доклад о посещении Северной Скандинавии. В этом докладе он утверждал о стремлении Российской державы к Атлантике².

«Финмаркский вопрос» продолжал эксплуатироваться во время Крымской войны, причем сторонники присоединения Швеции к антиросийской коалиции старались убедить британских представителей в том, что русские притязания на Финмарк представляют угрозу не только для Скандинавии: создание «северного Севастополя» в Варангерской бухте будет опасно и для самой Великобритании³. Король Оскар I все же не решился нарушить шведский нейтралитет⁴. Однако 21 ноября 1855 г. шведский король заключил оборонительный союз с Англией и Францией, получивший известность как «ноябрьский трактат»⁵. Согласно договору, западные державы гарантировали территориальную целостность Соединенных королевств от покушений со стороны России. Страх перед Россией был одним из основных мотивов, побудивших шведское руководство к подписанию ноябрьского трактата. В Петербурге известие о ноябрьском трактате было воспринято с замешательством, и ведущие деятели правительства говорили о нем как о выражении оскорбительного и безосновательного недоверия к России⁶. Российский МИД, впрочем, в своем официальном заявлении удовлетворился шведскими заверениями о том, что этот трактат имеет сугубо оборонительный характер⁷. Итоги Крымской войны были неудачными для России. Одним из условий Парижского мирного договора 1856 г., завершившего войну, была демилитаризация Аландских островов, что отвечало интересам Швеции. Беспочвенность слухов об агрессивных намерениях России, впрочем, уже тогда была очевидна для трезвомыслящих наблюдателей. В 1867 г., норвежский

¹ Нильсен Й. П. Старая Россия и новая Норвегия (1905–1917): Соседство без страха? // Страх и ожидания. Россия и Норвегия в XX веке. Архангельск, 1997. С. 8.

² Eriksson S. Svensk diplomati och tidningspress under Krimkriget. Stockholm, 1939. S. 8.

³ Ibid. S. 277.

⁴ Шведский нейтралитет в ходе Крымской войны, впрочем, трудно назвать объективным. Английская эскадра под командованием адмирала Ч. Нэпира, направляясь на Балтику, в конце апреля 1854 г. посетила стокгольмский рейд. А шведский король тайно предложил англичанам использовать шведские гавани в качестве баз для развертывания своих военно-морских сил на Балтике

⁵ Eriksson S. Svensk diplomati och tidningspress under Krimkriget. S. 289; Jensen M. Norges Historie. Unionstiden 1814–1905. Oslo-Bergen, 1963. S. 97.

⁶ Кан А. С. Швеция и Россия в прошлом и настоящем. М., 1999. С. 172; Нильсен Й. П. Старая Россия и новая Норвегия (1905–1917). С. 8.

⁷ Eriksson S. Svensk diplomati och tidningspress under Krimkriget. S. 355.

языковед и этнограф Я. А. Фриис совершил путешествие по Кольскому полуострову и Карелии. По возвращении он обратил внимание норвежских властей на то, что Кольский залив и другие бухты на Мурманском побережье фактически являются незамерзающими круглый год. Если русские власти хотели бы построить военно-морскую базу на севере, то им совершенно необязательно было прилагать усилия для завоевания чужой территории⁸.

Слухи о русской опасности продолжали муссироваться в Скандинавии и в дальнейшем. Поддержанию страха перед ней способствовали начавшиеся с конца XIX в. попытки имперских властей ограничить финляндскую автономию, которые в некоторых кругах северных стран истолковывались как начало русского наступления на Скандинавию⁹. Кроме того, противники разрыва шведско-норвежской унии использовали «русскую угрозу» как средство запугивания сторонников независимости Норвегии. Они утверждали, что разрыв унии чреват для Норвегии пограничным конфликтом с Россией, и Норвегия в одиночку не сможет противостоять русскому давлению. Шведско-норвежский посланник в Петербурге допускал, что у российских властей сохраняется стремление захватить незамерзающие гавани на севере, и подчеркивал, что Норвегия, оставшись одна, не сумеет противостоять нажиму со стороны России. В январе 1900 г. шведский правый политик и историк Х. Йерне написал в газете «Свенска Дагбладет», что Норвегия должна предвидеть сложный пограничный конфликт с Россией, если шведско-норвежская уния перестанет существовать. Возможно, Норвегия будет поставлена перед неожиданными требованиями¹⁰. К началу XX в. относятся выступления шведского ученого и общественного деятеля Свена Хедина, известного своей неприязнью к России. В 1905 г. С. Хедин опубликовал серию статей в английской газете «Таймс». Их основной тезис заключался в том, что Россия, потерпев неудачу, в результате поражения в войне с Японией, в своем стремлении утвердиться как военная держава на Тихом океане, переключит свое внимание на Север и будет искать выход к Атлантике через скандинавское побережье. Исходя из этого, Хедин предостерегал норвежцев против увлечения «сепаратистскими фантазиями». В Норвегии высказывания Хедина были встречены в целом негативно, но в правых кругах они имели некоторый резонанс. В частности, консервативная газета «Афтонпостен» постоянно писала о возможности русской агрессии против Северной Норвегии. В связи с

⁸ *Nielsen J. P.* Ønsket tsaren seg en isfri havn i nord? // *Historisk tidsskrift*. 1991. No 4. S. 84.

⁹ *Jensen M.* Norges Historie. Unionstiden 1814–1905. S. 195.

¹⁰ *Нильсен Й. П.* Старая Россия и новая Норвегия (1905–1917). С. 11–14.

выступлениями Хедина норвежское правительство по собственной инициативе заявило, что, насколько ему известно, Россия не имеет завоевательных планов в отношении Норвегии¹¹.

Следует заметить в этой связи, что известное недовольство российско-норвежской границей действительно имело место в России еще со времен заключения пограничного трактата 1826 г. О неудовлетворительности границы высказывались как в Министерстве иностранных дел, так и в Военном министерстве. Военный министр генерал А. Н. Куропаткин в 1900 г. составил доклад, в котором, помимо прочего, содержалась стратегическая оценка границ Российской империи. Комментируя границы со Скандинавией, Куропаткин отмечал, что граница со Швецией–Норвегией в общем и целом удовлетворительна, кроме участка на крайнем севере, где граница оказалась несколько искусственной, так как она предоставила все побережье Норвегии и отрезала Финляндию от моря: «положение на этом участке нашей границы не может впредь считаться нормальным». Военный министр делал, впрочем, оговорку, что это обстоятельство не может служить основанием для предъявления территориальных претензий к Норвегии: «Хотя с нашей стороны и естественно желание исправить здесь нашу границу, но выгоды от сего исправления слишком незначительны, чтобы могли стать поводом к борьбе»¹². В российском МИДе, особенно по мере того, как грядущий разрыв между Норвегией и Швецией просматривался все более явственно, все чаще высказывалось мнение о необходимости «округления» границы с Норвегией, но до предъявления конкретных требований норвежской стороне дело не доходило.

Что касается вопроса о незамерзающем порте на Севере для России, к концу XIX в. в правящих кругах империи осознали, наконец, необходимость иметь на арктическом побережье военно-морскую базу, имеющую беспрепятственный выход в океан, незамерзающую и связанную с центром железной дорогой. Одним из сторонников ее основания был министр финансов С. Ю. Витте. Однако места, подходившие для этого, имелись и на российской территории. По заданию императора Витте в 1894 г. обследовал Мурманское побережье и рекомендовал использовать удобную Екатерининскую гавань Кольского залива. Замыслы Витте противоречили мнению начальника Генерального штаба генерала Н. Н. Обручева и поддерживавших его Военного

¹¹ Там же. С. 16–17.

¹² Цит. по: *Куропаткин А. Н.* Русско-японская война 1904–1905. Итоги войны. СПб., 2003. С. 19.

и Морского министерств, которые выступали за строительство главной базы русского флота в Либаве на Балтике.¹³ Витте (несмотря на сохранявшийся в то время напряженный характер российско-британских отношений) исходил из того, что в грядущей войне союзником России будет именно Великобритания, противником же – Германия. В этом случае Либавя оказывалась бы бесполезной, а база на Мурмане была бы необходима для поддержания связей с англичанами. Однако недостаток средств и сильная оппозиция в Морском министерстве, которое сумело убедить нового императора Николая II отдать предпочтение Либаве, помешали тогда осуществлению плана создания сильной военно-морской базы на Мурманском берегу¹⁴. Хотя в 1899 г. на Мурмане был основан порт Александровск (ныне г. Полярный), строительство железной дороги к Мурманскому берегу тогда начато не было, а без железнодорожного сообщения с центром нормальное функционирование базы флота было бы невозможным.

По мере обострения шведско-норвежских отношений и усиления в Норвегии настроений в пользу разрыва унии со Швецией жупел русской угрозы все активнее использовался противниками расторжения унии как инструмент запугивания норвежцев. Утверждалось, в частности, что Петербург намеренно поощряет норвежский сепаратизм. Обвинения российского руководства в интригах, направленных на то, чтобы подтолкнуть Норвегию к разрыву унии, звучали задолго до 1905 г. Еще в 1892 г. в норвежской прессе появились сообщения о том, что норвежские левые радикалы из партии Венстре получали финансирование из России, а деньги якобы переводились через французскую миссию в Стокгольме. Высказывались подозрения по поводу связей с Венстре российского консула в Норвегии А. Тёттермана¹⁵. Незадолго до описанных событий схожие обвинения в адрес русских высказывал С. Хедин. «Санкт-Петербургские ведомости» цитировали слова Хедина о том, что «могучие силы энергично работают в пользу разъединения скандинавских государств... Россия применяет здесь свои старые известные методы». Комментируя эти заявления, газета писала: «Пусть он укажет хоть один факт, хоть малейший признак,

¹³ Jungar S. Ryssland och den svensk-norska unionens upplösning. Tsardilomati och rysk-finländsk pressopinion kring unionsupplösningen från 1880 till 1905. Åbo, 1969. S. 48.

¹⁴ Ганелин Р. Ш. С. Ю. Витте и переговоры о торговом договоре со Швецией и Норвегией в 1895–1900 гг. // Исторические связи Скандинавии и России. IX – XX вв. Л., 1970. С. 144–145.

¹⁵ Åselius G. The "Russian Menace" to Sweden. The Belief System of a Small Power Security Elite in the Age of Imperialism. Stockholm, 1994. P. 163–164.

указывающий на прямое или косвенное участие России в настоящем шведско-норвежском конфликте»¹⁶.

В действительности отношение российского руководства к движению за независимость в Норвегии было поначалу весьма сдержанным. Присущие этому движению радикализм и республиканские тенденции никак не могли вызывать особый энтузиазм в Петербурге. Кроме того, отделение Норвегии от Швеции могло явиться стимулом для усиления сепаратизма в Финляндии и на других национальных окраинах Российской империи. Наконец, нельзя было исключить возможность того, что молодое Норвежское государство могло оказаться под чрезмерным влиянием какой-либо великой европейской державы, настроенной не слишком дружественно по отношению к России – Великобритании или той же Германии. Газета «Слово», в частности, предостерегала, что разрыв шведско-норвежской унии чреват нарушением политического равновесия в Скандинавии¹⁷. Российские дипломаты предпочитали уклоняться от определенных высказываний по поводу шведско-норвежского кризиса. Шведский посланник в Петербурге Х. Врангель в своем донесении в Стокгольм 14 апреля (н. ст.) 1905 г. отмечал, что его попытки выяснить у российского министра иностранных дел графа В. Н. Ламздорфа позицию России в случае возможного провозглашения независимости Норвегии не имели успеха¹⁸. А через несколько дней после заявления норвежского стортинга о разрыве унии со Швецией (7 июня н. ст. 1905 г.) Ламздорф заявил Врангелю, что Россия не признает временное норвежское правительство, чей «революционный характер слишком очевиден, чтобы вызвать какую-либо симпатию с российской стороны»¹⁹. Лишь со временем российское руководство пересмотрело свою позицию и начало действительно склоняться к поддержке норвежской независимости. Позиция России диктовалась интересами собственной безопасности. В лице независимой и дружественной Норвегии царское правительство рассчитывало найти противовес антирусским тенденциям в политике Швеции. Нейтральный статус Норвегии должен был гарантировать Россию от возможного появления в опасной близости от Русского Севера британской или немецкой военно-морской базы.

Россия первой из великих держав признала независимость Норвегии после того, как были завершены шведско-норвежские переговоры и 26 октября

¹⁶ Санкт-Петербургские ведомости. 1905. 22 апреля.

¹⁷ Слово. 1905. 25 мая.

¹⁸ *Jungar S. Ryssland och den svensk-norska unionens upplösning. S. 86.*

¹⁹ *Ibid. S. 87.*

(н. ст.) между двумя странами было подписано соглашение о расторжении унии. 16 (29) октября 1905 г. В. Н. Ламздорф сообщил главе норвежского МИД Й. Лёвланну о том, что российское правительство «признает Норвегию в качестве совершенно независимого государства во всей ее территориальной целостности и заявляет о своей готовности незамедлительно войти в официальные сношения с Норвегией»²⁰. Формулировку «во всей ее территориальной целостности» (“dans toute son intégrité territoriale”), по мнению некоторых исследователей, нельзя считать случайной. Она должна была рассеять слухи о том, что Россия якобы собиралась предпринять против Норвегии враждебные действия в случае разрыва шведско-норвежской унии или эскалации конфликта между Швецией и Норвегией²¹. По поводу этих слухов норвежская газета «Тронхеймс Adresseavis» писала в сентябре 1905 г.: «Вредом для нашего отечества являются всякие газетные статьи и рассуждения о желании России захватить часть Северной Норвегии. Это не норвежский, а шведский страх перед Россией занесен к нам шведскими газетами. В конце концов, такие неосновательные обвинения дружелюбно расположенного к нам народа могут оказаться вредными, так как русское правительство может поверить, что Норвегия враждебно настроена по отношению к России». Из донесений русских дипломатов, относившихся к тому периоду, явствует, что эти слухи исходили от противников независимости Норвегии, которые таким образом пытались запугать норвежцев перспективой изоляции перед лицом могущественного восточного соседа и тем самым предотвратить отделение Норвегии от Швеции²². Российское правительство постаралось парализовать подобные попытки, составив форму признания норвежской независимости таким образом, чтобы она устраняла любые превратные толкования политики России в отношении Норвегии.

19 октября (1 ноября) правительственное сообщение о признании Норвегии было опубликовано в «Правительственном вестнике». 20 и 26 октября (2 и 8 ноября) состоялся обмен нотами между Россией и Норвегией об установлении дипломатических отношений. Россия была первой державой, признавшей независимость Норвегии и установившей с ней официальные дипломатические отношения. 22 октября (4 ноября) Ю. В. Ф. Яххельн был

²⁰ Признание Россией Норвежского независимого государства (сборник документов). М., 1958. С. 54.

²¹ Lindberg F. Kunglig utrikespolitik. Studier i svensk utrikespolitik under Oscar II och fram till borggårdskrisen. Stockholm, 1966. S. 148.

²² Признание Россией Норвежского независимого государства. С. 41–42, 45–46.

назначен временным поверенным в делах Норвегии в России²³. Он оказался первым норвежским дипломатическим представителем за границей. Чуть позже действительный статский советник А. Н. Крупенский (бывший советник посольства в Риме) был назначен российским посланником в Норвегии, а спустя еще некоторое время Н. Пребенсен стал норвежским посланником в России²⁴. 7 (20) декабря 1905 г. А. Н. Крупенский был на первой аудиенции у Й. Лёвланна, во время которой он заверил норвежского министра иностранных дел, как он на следующий день доносил В. Н. Ламздорфу, «в неизменно дружеских чувствах России, выразившихся еще столь недавно в поспешности, с которой Государь Император изволил признать независимость Норвегии и предупредительном подтверждении, по высочайшему повелению в телеграмме Вашего сиятельства, неприкосновенности норвежской территории»²⁵.

Если для Норвегии тема «русской угрозы» в дальнейшем была уже не актуальной, в Швеции она продолжала эксплуатироваться. В годы, предшествовавшие первой мировой войне, этот жупел активно использовался сторонниками военного сближения с Германией. На этой ниве снова активно проявлял себя С. Хедин. В 1912 г. тиражом в 800 тысяч экземпляров была издана его брошюра "Ett varningsord" («Слово предостережения»). Автор убеждал своих читателей в том, что Россия упорно стремится к Атлантическому океану. Присоединение Финляндии было шагом на пути реализации этого стремления, и теперь на очереди якобы стояло вторжение в Швецию. В главе «Под чужеземным игом» Хедин живописал ужасы русской оккупации Швеции, разорения Стокгольма. В 1914 г., накануне войны, ещё большим тиражом вышла новая брошюра С. Хедина «Второе предостережение»²⁶.

Схожие суждения о «русской угрозе» высказывал известный шведский политолог, автор понятия «геополитика» Р. Челлен. В первой части своего обширного труда "Stormakterna" («Великие державы») он доказывал, что все великие державы экспансивны по своей природе, малые же страны, в силу своих размеров и географического положения, обречены на подчинение им. При этом автор особо агрессивные намерения приписывал именно России. И Хедин, и Челлен усматривали доказательство агрессивных устремлений

²³ Там же. С. 56, 59–60.

²⁴ Danielsen E. Norge – Sovjetunionen. Norges utenrikspolitikk overfor Sovjetunionen 1917–1940. Oslo, 1964. S. 31.

²⁵ Признание Россией Норвежского независимого государства. С. 81.

²⁶ Новикова И. Н. «Между молотом и наковальней». Швеция в германо-русском противостоянии на Балтике в годы первой мировой войны. СПб., 2006. С. 49–51.

России, в частности, в политике русификации Финляндии и в строительстве железной дороги через финляндскую территорию до шведской границы, которое якобы было предпринято с военными целями. Цель подобных рассуждений была вполне очевидной – запугать шведское общество «русской угрозой» и склонить руководство страны к военному союзу с Германией. Р. Челлен утверждал, что «сильная Германия является барьером против распространения восточной державы», от которой «исходит угроза шведской культуре и государству»²⁷. Недаром работы Хедина и Челлена с удовольствием печатали в Берлине. Однако в самой Швеции их аргументы далеко не для всех выглядели убедительными. Леволлиберальные и социал-демократические круги выступили с опровержениями утверждений Хедина. Одним из его оппонентов был классик шведской литературы А. Стриндберг, который выступил в печати с серией статей против антирусской пропаганды и милитаризма²⁸. Во время первой мировой войны государственному руководству Швеции хватило разума сохранить нейтралитет своей страны.

В последние годы образ «агрессивной России» с новой силой эксплуатируется некоторыми политическими деятелями и общественными течениями в странах Северной Европы, прежде всего в Финляндии и Швеции. Речь идёт о сторонниках вступления этих государств в военно-политический блок НАТО. Образ «угрозы с Востока» как нельзя лучше подходит для запугивания сограждан и убеждения их в необходимости прибегнуть к защите Северо-Атлантического альянса. Особенно это касается Финляндии, имеющей протяжённую сухопутную границу с Россией. На фоне обострения международной ситуации, когда теперь Россию снова рассматривают как возрождающийся центр силы, представление о восточном соседе как об источнике угрозы вновь может проявиться в финском обществе. Об этом пишет, в частности, известный финский исследователь Т. Вихавайнен, автор ряда трудов по истории финляндско-российских отношений. Он утверждает это, опираясь на результаты исследования общественного мнения страны и фиксации прессы на вооружённых силах соседнего государства, которые «указывают на скрывающийся страх». Т. Вихавайнен напоминает о министре обороны Финляндии, который в 2007 году в США назвал в качестве трех основных вызовов безопасности Финляндии Россию, Россию и Россию, «что

²⁷ Там же. С. 51–52.

²⁸ Чернышева О. В. Шведы о русских. По материалам начала XX века (1900–1920) // Северная Европа. М., 2003. С. 11.

можно понять, по крайней мере, как то, что другие потенциальные военные угрозы не представляется возможным отыскать»²⁹.

Что касается Швеции, то и в этой стране интерес к вступлению в НАТО подогревается за счёт традиционного запугивания «русской угрозой». Немало сторонников вступления Швеции в НАТО было среди деятелей партий, входивших в «Альянс за Швецию» ("Allians för Sverige"), который выиграл парламентские выборы в 2006 г. Премьер-министр Швеции в 2006–2014 гг. Ф. Рейнфельдт утверждал: «НАТО является гарантом безопасности... Переговоры о членстве должны быть проведены в максимально тесном сотрудничестве с Финляндией и с учетом наших общих интересов в области безопасности»³⁰. Впрочем, на очередных парламентских выборах в 2014 г. победу одержали социал-демократы и их союзники по т. н. «красно-зеленой коалиции» (Rödgröna), среди которых традиционно преобладают настроения в пользу сохранения Швецией нейтрального статуса и поддержания добрососедских отношений с Россией. В то же время, новую пищу для измышлений по поводу «агрессивности России» дают события на Украине. Утверждения об «аннексии» Крыма и «российской оккупации» Донбасса активно циркулируют в североευропейской прессе, как и в западной в целом.

В немалой степени опасения перед «российским экспансионизмом» в Северной Европе поддерживаются, как и прежде, извне. Один из недавних примеров – публикация в онлайн-версии британской газеты «Дейли Мейл» от 19 октября 2016 г. под заголовком «Могла бы Финляндия стать следующей Украиной?» ("Could Finland become the next Ukraine?"). В публикации, со ссылкой на некоего неназванного «близкого советника» президента Российской Федерации В. В. Путина, утверждается, что Россия, в преддверии юбилея независимости Финляндии, будто бы намеревается поставить под вопрос законность признания независимости этой страны руководством Советской России в 1917 г.³¹ Симптоматично и то, что такого рода слух, как и за полтора столетия до этого, был запущен из Британии. Можно сказать, круг замкнулся.

²⁹ Vihavainen T. Ryssäviha. Venäjän-pelon historia. Helsinki, 2013. S. 287–288, 296, 310.

³⁰ Дерябин Ю. С., Антюшина Н. М., ред. Северная Европа. Регион нового развития. М., 2008. С. 430–431.

³¹ <http://www.dailymail.co.uk/news/article-3851326/Finland-sees-propaganda-attack-former-master-Russia.html>. Дата обращения: 12.11.2016.

ЛИТЕРАТУРА

- Исторические связи Скандинавии и России. IX–XX вв.: Сборник статей / [Ред. коллегия: Н. Е. Носов и И. П. Шаскольский]. Ленинград: Наука, 1970. – 403 с.
- Кан, Александр Сергеевич. Швеция и Россия в прошлом и настоящем / А. С. Кан. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 1999. – 359 с.
- Новикова, Ирина Николаевна. «Между молотом и наковальней». Швеция в германо-русском противостоянии на Балтике в годы первой мировой войны/ И. Н. Новикова. СПб.: Из-во С.-Петерб. ун-та, 2006. – 450 с.
- Северная Европа: регион нового развития / [Н. М. Антюшина, Ю. С. Дерябин, В. Е. Можаяев и др.]; под ред. Ю. С. Дерябина, Н. М. Антюшиной. Москва: Весь мир, 2008 – 508 с.
- Страх и ожидания. Россия и Норвегия в XX веке / Под ред. В. И. Голдина и Й. П. Нильсена. Архангельск: Изд-во Поморского ун-та, 1997 – 351 с.
- Чернышева, Ольга Владимировна. Шведы о русских. По материалам начала XX века (1900–1920) / О. В. Чернышева // Северная Европа. М.: Наука, 2003. С. 102–125.
- Danielsen, Egil. Norge – Sovjetunionen. Norges utenrikspolitikk overfor Sovjetunionen 1917–1940 / E. Danielsen. Oslo: Universitetsforl., 1964 – 288 s.
- Eriksson, Sven. Svensk diplomati och tidningspress under Krimkriget / S. Eriksson. Stockholm: P. A. Nordstedt & Söners Förlag, 1939 – 423 s.
- Jensen, Morten. Norges Historie. Unionstiden 1814–1905 / M. Jensen. Oslo–Bergen: Universitetsforlaget, 1963 – 218 s.
- Jungar, Sune. Ryssland och den svensk–norska unionens upplösning. Tsardilomati och rysk-finländsk pressopinion kring unionsupplösningen från 1880 till 1905 / S. Jungar. Åbo: Åbo Akademi, 1969 – 197 s.
- Lindberg, Folke. Kunglig utrikespolitik. Studier i svensk utrikespolitik under Oscar II och fram till borggårdskrisen / F. Lindberg. Stockholm: Aldus/Bonniers, 1966 – 258 s.
- Nielsen, Jens. P. Ønsket tsaren seg en isfri havn i nord? / J. P. Nielsen // *Historisk tidsskrift*. 1991. No 4. S. 78–93.
- Vihavainen, Timo. Ryssäviha. Venäjän-pelon historia / T. Vihavainen. Helsinki: Minerva, 2013 – 322 s.
- Åselius, Gunnar. *The "Russian Menace" to Sweden. The Belief System of a Small Power Security Elite in the Age of Imperialism* / G. Åselius. Stockholm: Almquist & Wiksell intern, 1994 – 455 p.

REFERENCES

- Chernysheva, Ol'ga Vladimirovna. Shvedy o russkikh. Po materialam nachala XX veka (1900–1920) [Swedes about the Russians. Based on the materials of the early twentieth century (1900–1920)], in *Severnaya Evropa [Northern Europe]*. Moscow: Nauka Publ., 2003. P. 102–125. (In Russian)
- Danielsen, Egil. *Norge – Sovjetunionen. Norges utenrikspolitikk overfor Sovjetunionen 1917–1940*. Oslo: Universitetsforl., 1964 – 288 s.

Eriksson, Sven. *Svensk diplomati och tidningspress under Krimkriget*. Stockholm: P. A. Nordstedt & Söners Förlag, 1939 – 423 s.

Istoricheskie svyazi Skandinavii i Rossii IX–XX vv. Sbornik statey [Historical relations of Scandinavia and Russia. Collection of articles]. Editorial board: N. E. Nosov, I. P. Shaskol'skij. Leningrad: Nauka Publ., 1970 – 403 p.

Jensen, Morten. *Norges Historie. Unionstiden 1814–1905* / M. Jensen. Oslo–Bergen: Universitetsforlaget, 1963 – 218 s.

Jungar, Sune. *Ryssland och den svensk–norska unionens upplösning. Tsardilomati och rysk-finländsk pressopinion kring unionsupplösningen från 1880 till 1905*. Åbo: Åbo Akademi, 1969 – 197 s.

Kan, Alexander Sergeevich. *Shvetsia I Rossia v proshlom i nastoyaschem [Sweden and Russia in the past and present]*. Moscow: Rossijskij gosudarstvennyj gumanitarnyj universitet Publ., 1999. (In Russian)

Lindberg, Folke. *Kunglig utrikespolitik. Studier i svensk utrikespolitik under Oscar II och fram till borggårdskrisen*. Stockholm: Aldus/Bonniers, 1966 – 258 s.

Nielsen, Jens. Ønsket tsaren seg en isfri havn i nord?, in *Historisk tidsskrift*. 1991. No 4. S. 78–93.

Novikova, Irina Nikolaevna. "Mezhdú molotom i nakoval'ney". *Shvetsia v germano-rossijskom protivostoyanii na Baltike v gody pervoy mirovoy voyny [«Between the hammer and the anvil»]. Sweden in the German-Russian confrontation in the Baltic during the First World War*. St.Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta Publ., 2006 – 450 p. (In Russian)

Severnaya Evropa. Region novogo razvitiia [Northern Europe. Region of new development]. [N. M. Antjushina, Ju. S. Derjabin, V. E. Mozhaev and others]; Edited by Ju. S. Derjabin, N. M. Antjushina. Moscow: Ves' mir Publ., 2008 – 508 c. (In Russian)

Strakh i ozhidania. Rossia i Norvegia v XX veke [Fear and expectation. Russia and Norway in the twentieth century]. Edited by V. I. Goldin and J. P. Nil'sen. Archangel: Publishing house of Pomor University, 1997 – 351 p. (In Russian)

Vihavainen, Timo. *Ryssävitha. Venäjän-pelon historia* / T. Vihavainen. Helsinki: Minerva, 2013 – 322 s.

Åselius, Gunnar. *The "Russian Menace" to Sweden. The Belief System of a Small Power Security Elite in the Age of Imperialism*. / G. Åselius. Stockholm: Almqvist & Wiksell intern, 1994 – 455 p.